

Георгий Песков

ВАЛЬКИРИЯ

На наружной двери прибили надпись: «Аудитория и лаборатория медицинской химии». Из гостиной спешно вынесли рояль, тяжёлые крытые красным атласом кресла, пуфы, круглый стол. Втащили и расставили рядами длинные садовые скамейки, а перед ними повесили добытую откуда-то чёрную доску. Чем не аудитория?

Остался только свешивающёйся с потолка бронзовый амур, который держал в руке факел с розовым стеклянным огнём. Его оставили за неимением другой арматуры. Он всё дело портил.

Евгений Иванович, стоя на высокой лестнице, собственноручно снимал со стен гравюры, изображавшие влюблённых греков и гречанок у колодца, нимф и танцующих в капорах дам в стиле ампир.

Вошла Валькирия. Она куталась в платок и хохлилась как воробушек: было холодно. Через свои старушечьи очки, близко нагибаясь, словно вынюхивая, она осмотрела новую обстановку.

– Ну как? Ничего? Хоть немного-то похоже? – громко, чтобы она слышала, спросил Евгений Иванович.

– А что же такой? И конечно, – успокоительно сказала старушка.
– **Aber das muss weg.**¹ Снимать это. – Она указала на амура.

– Я и сам знаю, что «снимать», – проворчал Евгений Иванович,
– да лампочки другой нет. Лампочки нет! – закричал он, видя, что она не слышит.

– Ну, нишево. **Macht nichts**². – Она вынула носовой платок, поднесла его как-то сбоку к левому глазу, разбирая рубец, и, разобрав, громко высморкалась, теребя свой большой нос.

– Шай пить хотит? – спросила потом.

– Нет, некогда. Пейте одна. Я говорю, пейте одна!!

– Как же так, чтобы с утра не имеют нишво во рту? Я вам буду наливайт.

Она ушла, а Евгений Иванович сердито продолжал вырывать клещами гвозди.

Чуть ли не двадцать лет прожила в России, а говорить не научилась. Вот в такие минуты, как сейчас, когда голова и без того идёт кругом, это ужасно злит. И потом, она точно не понимает опасности. Ну, положим, глухая и слепая ещё сверх того, но не может же она не замечать, что кругом неё происходит.

Когда Евгений Иванович шепчет ей на ухо, что сегодня, он слышал, будут ходить по домам и отбирать ценные вещи, или что в городе арестовывают поголовно всех выходящих на улицу мужчин, она смотрит на него своими невозмутимыми глазами и преспокойно отвечает:

– На, ну, глупости каки. **Es ist nicht möglich.**³

Вот и поговори с такой.

---

¹ Это нужно убрать.

² Ничего.

³ Это невозможно.

Нужно же было случиться, что изо всех домашних в отцовском доме остались вместе только они двое. Старики умерли ещё в начале революции, братья эвакуировались со своими частями, невестка перед самым приходом красных уехала с детьми к родным в Ялту. Воспитавшую и её саму и детей старуху-гувернантку оставила ему в наследство. Евгений Иванович её почти не знал, при встречах подтрунивал над нею и вместо «Брунгильда Карловна» называл «Валькирией Карловной»⁴. Старушка делала вид, что сердится, и говорила:

– На, ну, глупости каки. – В этом только и состояли их отношения до сих пор. А теперь вот он принуждён делить с этой Валькирией все радости нового советского режима.

Положим, она прекрасная женщина, можно даже сказать – редкая. Честная, преданная, – слов нет! Но от этого Евгению Ивановичу не легче. Ему хотелось бы иметь около себя человека, умеющего входить в положение, понимающего с полуслова. А тут кричи ей десять раз одно и то же, а услышит, так всё равно:

– **Ach, ist ja gar nicht so arg.**⁵

Евгений Иванович кончил с гравюрами и принялся за большой, в золотой тяжёлой раме, портрет матери. Он висит здесь лет тридцать. Мать изображена на нём во весь рост, в странном, облегающем бюст платье моды восьмидесятых годов, с турнюром, и множеством воланов на юбке. Причёсана гладко. На лбу чёлка прямых, ровно подстриженных волос. Евгений Иванович не знал её такую, но с портретом свыкся и любил. Надо спрятать его подальше, чтобы не насмехались.

---

⁴ Валькирии- в скандинавской мифологии воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражения. Брунгильда- имя одной из валькирий. Здесь случай иронического метонимического переноса.

⁵ Ах! не так уж худо!

В передней постучали. Он побежал отпирать по дороге вспомнил о лестнице, вернулся и потащил её в соседнюю комнату.

– Брунгильда Карловна! Брунгильда Карловна! – кричал он. Но она не слыхала.

Теперь уже не стучали, а колотили в дверь. Евгений Иванович отпёр.

Ввалились. Трое. Мужчина развязного вида и две женщины. Одна в кепке и в кожаной, слишком большой и широкой для неё куртке; другая молодая, красивая, в повязанном на затылке красном платочке.

– Это аудитория? – иронически спросил мужчина.

– Как видите. – Евгений Иванович уже усвоил ту манеру, которая была нужна «с ними». Пробовал сначала заискивать, но всегда выходило хуже.

– Что же, тут лекции читают?

– Да, читают лекции.

Оба смотрели друг на друга с вызовом и наглостью. Женщина в кепке вынула записную книжку и карандаш.

– В котором часу бывают лекции? – спросила она тоном сыщика?

– Это уж вы в университете справьтесь.

– А лаборатория?

– Лаборатория ещё не оборудована.

Мужчина насмешливо захохотал.

– Вы профессор?

– И не думаю быть профессором.

– Ни лекций, ни профессоров, – сказал мужчина, обращаясь к своим спутникам. Потом приказал:

– Покажите помещение.

– Да вы от кого собственно? – спохватился Евгений Иванович.

Тот вытащил и сунул ему какую-то бумажку с множеством неразборчивых подписей и круглых печатей.

Евгений Иванович кивнул головой – хотя хорошенько и не разобрал бумажки – и повёл их в следующую комнату, где стояла лестница и снятые картины.

– Товарищ Громов, – сказала девица в красном платочке, – смотрите, картинки для клуба годятся.

– Сколько картин? – строго спросил Громов.

– Я не считал.

– Ведь вы бывший владелец. Как же вы не знаете сколько у вас чего? Товарищ Мартынова, отберите подходящие и пересчитайте.

Он пошёл дальше.

– Это всё, что находится в пользовании университета, – сказал Евгений Иванович. – Вот две комнаты.

– А остальные?

– Частное помещение.

– Ничего, мы и частное посмотрим.

– У меня больная тётка, – запротестовал было Евгений Иванович.

Они прошли, не отвечая. Осмотрели всё. Заглянули во все чуланы.

Кабинет, куда было снесено всё наиболее ценное и дорогое по воспоминаниям, служил теперь одновременно спальней Брунгильды Карловны и столовой.

Когда они вошли, старушка мирно пила чай, пододвинув небольшой столик к топившейся железной печурке. Она аппетитно накладывала на чёрный хлеб ломтик свиного сала.

– **Was ist denn wieder los?**⁶ – спросила она и уставилась на вошедших. – **Was wollen denn die?**⁷

Евгений Иванович не ответил.

– Это помещение гораздо лучше нашего, – сказала девица в кепке. – Две первые комнаты...

– Это мы разберём. Охранная грамота у вас есть? – спросил товарищ Громов.

Евгений Иванович повёл их обратно в переднюю и ткнул пальцем в одну из висевших на двери бумажек.

Пришедшие стали разбирать её.

– Это недействительно, – сказала девица в кепке.

– Почему недействительно? – заволновался Евгений Иванович.

– А вы сами не знаете? – ядовито спросил мужчина.

– Нет, не знаю.

– Ну, так я вам это говорю! – Он хотел сорвать бумагу, но она была плотно приклеена к стеклу.

– Ладно, потом! Идём, товарищ. Ясно, что университетом тут не пахнет. Товарищ Мартынова мы уходим.

Все трое вышли.

Евгений Иванович вернулся в комнату Брунгильды Карловны. Она перетирала посуду и аккуратно ставила её в шкафчик.

– **Sind sie fort?**⁸ Они ушёл? – спросила она.

– Ушли, но наверно вернуться и будут здесь жить. Им понравилась гостиная и зала.

---

⁶ Что опять случилось ?

⁷ Эти что хотят ?

⁸ Они ушли ?

– **Wie so?**⁹ А университет?

– Брунгильда Карловна! Я уже неоднократно имел честь докладывать Вам, что законов сейчас не существует, а действует произвол.

– **Was heisst**¹⁰ «произвол»? Я не понимаю. Но ведь есть **Regierung**¹¹ ... правительств.

Евгений Иванович махнул рукой.

– Э, сказка про беленького бычка! – Он устало повалился на стул.

– Скушайте шево-нибудь. Сало отлични, – предложила Брунгильда Карловна.

– Дайте!

Она стала резать тупым ножом сало, а он смотрел, и ему казалось, что она старается перепилить ему нервы. Взял у неё нож, начал злобно точить. Брунгильда Карловна, видя его настроение, налила ему чаю, подставила хлеб и, отойдя к окну, уселась читать чёрную книжечку с золотым обрезом. Евгений Иванович знал, что это был сборник протестантских церковных песен и псалмов, очень смешных и наивных. Брунгильда Карловна не расставалась с ним и всегда прибегала к нему в печалих.

На другой день товарищи вернулись. Заклеили университетскую охранную грамоту какой-то другой бумажонкой с печатями и начали располагаться в двух передних комнатах, как дома. Вынести ничего, кроме садовых скамеек, не позволили. Даже

---

⁹ Как так ?

¹⁰ Что значит ...

¹¹ правительство

портрет матери. Вдвинули обратно рояль, мягкую мебель.

Потребовали кроватей.

Товарищ Громов и девица в кепке работали в собесе¹² и с утра уходили с толстыми портфелями. Другая девица оставалась дома. По вечерам к ним приходили ещё товарищи в пёстрых татарских тубетейках, играли на рояле и пели хором интернационал.

Евгений Иванович избегал их и не здоровался. Брунгильда Карловна, напротив, сейчас же свела знакомство. Узнала, что такое собес, и даже одобрила, что там бесплатно выдают грудным детям молоко. Только заметила, что было бы правильнее «не разбирать, кто какое имеет происхождение».

Товарищи смотрели на неё, как на чудачку.

Чаще всего, гуляя в саду, она встречалась и разговаривала с товарищем Мартыновой. Это была красивая, раскормленная, очень ещё, должно быть молодая девушка с гривой стриженных волос, детскими глазами и истерическим ртом.

Раз Брунгильда Карловна увидела, как товарищ Громов, уходя, обнял и поцеловал товарища Мартынову в шею.

– Это ваш муш? – спросила потом Брунгильда Карловна.

– Нет. Так... товарищ.

– **Sonderbar!**¹³

Брунгильда Карловна чем-то понравилась товарищу Мартыновой. Старушка сказала, что ей, «чтобы принимать йод», нужно молоко. Та стала давать ей по полчашки в день. Брунгильда Карловна молоко брала, но держалась по-прежнему независимо.

Евгению Ивановичу это знакомство не нравилось.

– Охота вам! – говорил он. – Что у вас с ними общего? Я бы на вашем месте ничего от них не принимал.

---

¹² СОБЕС = социальное обеспечение

¹³ Странно ! (нем.)

– Глупости каки! – сердилась она. – она сама предложил.
Почему же я не должен браться?

Наступила весна. В саду всё стрекотало, пело, цвело. Одурающе пахло белой акацией. Брунгильда Карловна, любившая природу тою сентиментальной и нежной влюблённостью, на которую способны одни немцы, гуляла в саду с товарищем Мартыновой. Старушка расчувствовалась и сказала что-то о великолепии Божьего мира.

– Почему «Божьего»? – засмеялась та.

Брунгильда Карловна покраснела, как индейский петух.

– Я знаю, ви Бога не признавайте, а я признавай. Ну, и всё тут.

Genug ! ¹⁴

Товарищ Мартынова почла бесполезным вести перед Брунгильдой Карловной антирелигиозную пропаганду.

В середине лета товарищ Мартынова вдруг заболела. Несколько дней она не выходила в сад, потом как-то рано утром к Евгению Ивановичу постучал товарищ Громов и сухо, но корректно передал:

– Товарищ Мартынова больна и просит вашу родственницу зайти к ней.

– Неужели вы пойдёте? – спросил старушку Евгений Иванович.

– **Warum nicht**¹⁵? Ви слыхал – она больной.

– Ну, и чёрт с нею.

---

¹⁴ Хватит !

¹⁵ Почему нет ?

– Ви тоже не верить в Бога, Евгений Иванч, – сказала она, сердито покраснев.

– Я вам и не говорил, что верю.

– Вы расушдайт совершенно, как коммунист. За што-ш ви их так не любил? **Das ist unkonsequent**¹⁶, – заметила Брунгильда Карловна.

Брунгильду Карловну поразил ужасный беспорядок в комнатах товарищей. На столе вместе с неубранной посудой валялись журналы, газеты, окурки. По стульям – платье, чистое и надёванное бельё. Тут же всевозможные припасы.

Товарищ Мартынова лежала полуодетая на кровати и читала книгу.

– Ви простудился? – спросила, подходя к ней вплотную Брунгильда Карловна.

– Нет, аборт сделала, – вяло ответила товарищ Мартынова.

Брунгильда Карловна не расслышала и подставила ухо.

– Аборт сделала!

– Фуй! – ужаснулась старушка. – Сашем ше эт ?

– Не хочу иметь ребёнка.

– **Das ist grässlich!**¹⁷ Эт ушасно! Как ви могли?

– Что же особенного? – усмехнулась товарищ Мартынова. – Это все делают. Я только боюсь, что у меня не совсем удачно.

Страшная боль в пояснице и прямо истекаю кровью.

– Нещасни дэвушка! – воскликнула Брунгильда Карловна. – Ви может умирайт от свой ушасни поступка!

Истерический рот товарища Мартыновой дрогнул.

– Я и сама боюсь, – прошептала она, уткнулась лицом в подушку и заплакала.

---

¹⁶ Это не последовательно

¹⁷ Это ужасно

– Теперь уш плакать не помогайт, – строго глядя через очки сказала Брунгильда Карловна. – Я вас тогда хотел предупреддайт, потому что я видал, прекрасно видал. А ви говорил: «Это мой товарищ». И вот рэзультат.

– Вы не знаете, это очень опасно? Неужели я умру? Как вы думаете? – рыдая спрашивала товарищ Мартынова.

– Почему-ше я могу знайт? Я аборт не делал. И мой знакоми тоже никто не делал аборт. Потому што это зовершенно безнравственно.

– Я так боюсь умереть! Умереть боюсь! – капризно и злобно крикнула товарищ Мартынова.

– И, конечно, ви боитись. И это ушасно, когда такой молодой, и в Бога не верит. Если би ви верил в Бог, тогда ви не боялся би так умирайт.

Товарищ Мартынова рыдала всё сильнее. Как ни возмущена была Брунгильда Карловна, ей стало жаль её.

– Я думай, што ви не будет умирайт, – сказала она успокоительно. – Потому што ви девушка молодой и здорови. Надо только быть *vernünftig* – благоразумни. Я буду вам давайт немного кофэ. У меня остался. Сичаст.

Брунгильда Карловна пошла к себе за кофеем.

– Что же вы ей там псалмы читаете, что ли? – не удержался Евгений Иванович.

– **Wie so?** Сашем псалми? **Sie versteht doch nicht deutsch,**¹⁸ – невозмутимо ответила Брунгильда Карловна.

---

¹⁸ Она ведь по-немецки не понимает

Товарищу Мартынову стало хуже. Поднялась температура. Щёки больной горели. В возбуждённых и растерянных глазах её был необычный блеск. Целыми днями она плакала, что может умереть. На товарищей, особенно на Громова, истерически кричала и грубо ругалась. Успокаивалась только, когда приходила Брунгильда Карловна, и она слышала её старушечье ворчание и возню. Тут она начинала плакать уже иначе, тихо, как пристыженный ребёнок. Они мало разговаривали. Брунгильда Карловна или оправляла больной одеяло и подушки, сбившееся во время её буйствований, или, засучив рукава, своими маленькими узловатыми руками собирала по столу и выкидывала окурки, подметала пол. Вообще наводила порядок, хлопотливо, как воробей.

Она привыкла к вопросам больной и почти их не слушала.

– Закройте лучше окно! – говорила Мартынова.

– Ну, да, я говорил, што вам гораздо лучше, – отвечала Брунгильда Карловна.

Первое время она приходила только в отсутствие других товарищей, но так как с больной без неё не было никакого слада, то им волей-неволей пришлось мириться с этой старухой, которая – они чувствовали – была по отношению к ним очень критически настроена.

Они даже стали просить её оставаться. С ними Брунгильда Карловна никогда не пускалась в разговоры. Не потому, что не считала их за людей, но просто находя, что **es ist nicht der Moment dazu**¹⁹ и что «главни вещь теперь больной». Про себя Брунгильда Карловна твёрдо решила сказать им со временем всё, что её в их жизни возмущало.

---

¹⁹ к тому теперь не время (нем.)

На четвёртый день Мартыновой стало так плохо, что она уже никого не узнавала и бредила. Брунгильду Карловну она называла то мамой, то тётёй Дашей, целовала у неё руки и просила в чём-то прощения. Как только старушка уходила, больная опять начинала кричать и буйствовать. Лечивший её студент-медик сказал, что дело, вообще говоря, совсем дрянь, но велел всё-таки продолжать поить её вином. Она не соглашалась пить, отталкивала стакан, вино проливалось на постель. А больная иступлённо кричала, чтобы все убирались к чёрту, к чёрту, к чёрту! Потом опять звала тётю Дашу.

Евгений Иванович в этот вечер долго не садился ужинать. Подждал Брунгильду Карловну. За последнее время он не то привык к старушке, не тот просто успокоился – удалось устроиться на службу и паёк получить – но она уже не злила его, даже возбуждала симпатию, немного, правда, ироническую.

«Вообще говоря, Валькирия невредная» – думал он, ставя для неё кипятить воду. – «Но оригиналка невероятная. Ну кто её, спрашивается, тянет возиться с этой особой?».

Чайник зашипел. Евгений Иванович поставил разогревать картошку и принялся от нечего делать писать невестке письмо.

В это время вошла Брунгильда Карловна.

– А, наконец-то! – сказал Евгений Иванович. – Ну, что? Как здоровье вашей раскаявшейся Магдалины?

– Она умер, Евген Иванч, – сказала Брунгильда Карловна и громко высморкалась, трясая головой и зажимая платком то одну ноздрю, то другую.

– В самом деле? – Евгению Ивановичу стало неловко за свою неуместную шутку.

– Да, в сам дели. Она ошен сильно страдал. Она наверни во внутренности просил Бог простить свой большой **Sünde**²⁰. И я тоже просил. Потому что она бил добри дэвушка. Она давал мне молоко для йод. И **der Allmächtige**²¹ про это знал.

Она замолчала.

– Покушайте картошки, Брунгильда Карловна, – тронутым голосом сказал Евгений Иванович.

– Нет, благодарсти. Я сит. – Она опять принялась сморкаться. Потом достала из под своей подушки белый мешочек с готической надписью, вышитой на нём голубым крестиком, и, поднеся его к самому носу, отыскала и расстегнула пугови.

– Ви не смотрит, Евген Иванч, я буду надевайг свой ночной блуз.

Она сняла лиф, надела просторную кофту, взяла с ночного столика чёрную книжечку и под села к столу.

Евгений Иванович пододвинул к ней ближе стоявшую на столе лампу.

Брунгильда Карловна сняла очки и сунула свой большой нос в книжку, точно усердно что-то в ней разнюхивая.

В комнате стало совсем тихо. Евгению Ивановичу хотелось есть, но было неловко.

Почитав немного, Брунгильда Карловна опустила книжку и потёрла рукою уставшие глаза.

– «**Ein flücht'ger Gast auf Erden hier!**» – произнесла она с задумчивым и грустным пафосом.

– Что вы сказали, Брунгильда Карловна? – отрываясь от письма, спросил Евгений Иванович.

– Нишево. Я так.

---

²⁰ Грех (нем.)

²¹ Бседержитель

– «**An deinem Pilgerstabe**»... я вам не мешай Евген Иванч? Это один **Grablied**. Как это? Один надгробни песня. Шалко, што ви не панимайт. Я не знай, как это нужно переводить. Вот так, я думай:

«С твоей паломнишески палка», или как это? Ну, да «с твоей паломнишески палка ти проходишь шерез поля и шерез хольми. Шерез сами високи хольми и шерез громадни гори. И шерез моря ти препливайт. Но шерез сами маленьки холмик ти не перешагнул. Тут ти оставался лежайт под этим холмик, и тут ти будешь спайт свои вешни сон».

Она помолчала.

– Этот маленьки холмик – это могила, Евген Иванч. Прекрасни **Lied**²², не правда ли?

Евгений Иванович улыбнулся.

– Я когда прочитай этот **Lied**, то всегда успокаивайся, – прибавила она.

– Счастливица вы, Брунгильда Карловна, – сказал Евгений Иванович.

– **Wie so?** Это как?

– Ей Богу, я счастливее вас человека не видывал.

Брунгильда Карловна фыркнула носом.

– Ви, конечно, пошутил, Евген Иванч. Потому што я стари глухой и слепой инфалид. Но ви, мошет бит, и правда говорил.

Брунгильда Карловна вздохнула, заложила вышитой по канве пожелтевшей закладкой свою книжечку, закрыла её и отнесла на ночной столик.

– Я думай, што теперь нушно што-нибудь немношко покушайт, – сказала она неожиданно. Взяла сковородку и, низко нагибаясь, стала выбирать вилкой самое поджаристые картошки.

---

²² Песня (нем.)

Георгий Песков

ВАЛЬКИРИЯ

1926